

Война на Украине и дезападнизация как историческая задача: возможности и пределы

Термин «западнизация» («западнизация планеты») был введен в русский философско-публицистический оборот А.А. Зиновьевым в его книге «Запад. Феномен западнизма», написанной в 1993 году [1]. Высказываниям Зиновьева всегда был свойствен высокий градус публицистичности и готовности среагировать на «злобу дня», причем его утверждения о собственной совершенной беспристрастности и полной научности, как кажется, входили в риторические правила игры писателя и социолога.

Сам по себе этот термин не является таким уж оригинальным концептом, он переводческая калька на русский широко известного социологического термина «вестернизация». Зиновьев один из первых всемирно известных русских интеллектуалов, кто уже в то время, в начале 1990-х, резко выступил против колониальной политики Запада по отношению к России. И то, что он говорит по поводу западнизации в книге 1993 года и в небольшой работе-приложении к этой книге под названием «Великий общественный перелом» [1, с. 417–469], местами порой довольно метко описывает то, что, в частности, происходило и на Украине последние три десятилетия, а особенно последние уже почти девять лет. Возьмем, например, вот этот отрывок:

«Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни» [1, с. 466].

В чем суть процесса западнизации по Зиновьеву? Его понимание из 1993 года сегодня не воспринимается как нечто оригинальное, ныне это скорее почти общее место. Тем не менее тридцать лет назад Зиновьев достаточно четко говорил то, что очень многим стало ясно гораздо позднее, и в этом его несомненная заслуга.

Пущаев Юрий Владимирович, кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН. E-mail: putschaev@mail.ru

По Зиновьеву, западнизация – это стратегия установления нового мирового порядка, реального «глобального общества», которая состоит в навязывании незападным странам и обществам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни подобных тем, что существуют в западных странах. При этом подлинная цель западнизации – не присоединить незападные страны к себе в роли равноправных партнеров, а колонизировать их принудительно мирными средствами (за которыми всегда есть военная мощь как гарантия и последний довод). «Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии» [1, с. 466]. Она создается искусственно, навязывается извне вопреки исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции страны и общества, говорит Зиновьев. Колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Причем иногда это делается как якобы освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще всего, заявляет Зиновьев, идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми. Ведь подлинная цель реальной западнизации – довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, заняли безусловно второстепенные и подсобные роли в истории, мировой политике и мировой культуре.

Правда, одним из очевидно слабых мест во взглядах Зиновьева является то, что он смотрит на проблему западнизации, радикального натиска нового мирового порядка и возможностей сопротивления ему преимущественно через призму борьбы коммунизма и капитализма в XX веке. Он слишком привязан и прикован к советскому опыту и советской истории, чтобы отрешиться от них и посмотреть на борьбу с Западом с иной перспективы. В том числе взглянуть на это из глубины русской истории, не ограниченной рамками преимущественно советского периода. Зиновьевская концепция общества фатально этим ограничена. Более того, слабые попытки возвращения хоть в какой-то степени к опыту и ценностям исторической, дореволюционной России, во многом воспринимались им в штыки. Это, например, выразилось помимо прочего в его решительном антиклерикализме, радикализм и запальчивая слепота которого – это явное наследие советских времен и советского воспитания:

«И было бы в высшей степени несправедливо отрицать положительную роль антирелигиозной деятельности советской власти в прошлые годы. Эта деятельность имела огромное просветительское значение. Она высвободила многомиллионные массы населения из пут религиозного мракобесия. Антирелигиозная деятельность советской власти имела и до сих пор имеет успех в массах населения, прежде всего благодаря тому, что исторически данные формы религии оказались неадекватными менталитету современного человека и его положению в обществе, а не благодаря насилию. Насилие имело и имеет место в данном отношении, как и во многих других. Но не оно есть основа. Оно само опирается на ту основу, которая предопределяет судьбу религий в коммунистическом обществе» [2, с. 249].

Не было у Зиновьева и термина «дезападнизация». В целом, задав вектор решительного неприятия наступления Запада и критики западнизма, Зиновьев все же делал это на ограниченной основе. В частности, мы не находим у него сегодня концептуальных ходов, пригодных для анализа украинской ситуации и позитивного ее для нас разрешения в рамках дезападнизации, ведь исторические корни идущей распри уходят далеко за советскую историю. Поэтому более конкретно продумывать новый раунд борьбы России с Западом, проблему и необходимость дезападнизации для России и областей ее традиционного присутствия на новом историческом этапе мы вынуждены уже без Зиновьева, самостоятельно и с опорой на иных мыслителей.

Очередной парадокс русской истории сегодня может состоять в ее своеобразном закольцовывании: в месте, откуда есть пошла Русская Земля больше тысячи лет назад, она подвергается теперь опасности там же и закончиться. Либо – получить новый импульс исторического развития. Киев – мать городов русских, но как бы эта непостоянная мать не стала бы и их могилой. Ход событий после распада СССР вполне логично дошел до точки или/или. Наиболее проницательным людям было видно сразу, еще тридцать лет назад, что до этого дойдет.

Это закольцовывание во многом объясняет важность украинского вопроса и харизматичность южнорусского сепаратизма, который мутировал в украинский национализм. Украина – не просто окраина (отсюда слово «украина») исторической России, это не стандартная провинция, одна из них. Это та окраина, которая ранее была истоком и центром всей Русской земли. Это маргиналия, но своего рода центральная маргиналия, которая поэтому может претендовать на замещение всего целого. Поэтому у нее просматриваются претензии быть не просто анти-Россией, но и вместо-Россией. В том числе отсюда черпает внутреннюю энергию сегодняшней украинский национализм. Сегодняшняя Украина – это та самая Другая, альтернативная Россия, о которой говорили и говорят российские оппозиционеры. При этом предсказуемо, что рисуемая в мечтах Другая Россия на деле вышла темной стороной России, анти-Россией.

Желания у новой, так называемой независимой Украины никогда не совпадали с возможностями, претензии с наличными силами. Поэтому ни одного дня, никогда (как и во всей прежней истории украинского сепаратизма) она не могла опираться на свои силы, но всегда искала и требовала чужой поддержки как необходимого условия своего существования. Поэтому и сегодняшняя война – это не только и не столько война с Украиной, сколько удивившее многих своей вдруг вспыхнувшей яростью и непримиримостью цивилизационное столкновение с Западом.

Но подобные судьбоносные войны не выигрываются ограниченными средствами в щадящем режиме. Это требует напряжения всех сил. Видимо, изначальный стратегический просчет состоял в том, что попытка решения украинского вопроса приняла формат специальной операции. Учитывая важность украинского вопроса, его глубокие исторические корни и то, что он затрагивает Россию целиком, сразу во всех измерениях, очень наивно было надеяться, что его удастся решить ограниченными силами в относительно короткий временной срок.

Поэтому 24 февраля 2022 года Россия на самом деле пошла на действие, которое находится где-то на границе между дерзновением и дерзостью. Почему речь идет о дерзости, ведь она предполагает претензию на действие не по силам из-за тех или иных причин? Один мой мыслящий друг, известный православный публицист Андрей Rogozянский высказал любопытное и одновременно тревожное, задевающее наблюдение. Мы в России живем, сказал он, уже одной ногой в эпохе постмодерна. А это предполагает соответствующий тип личности, не готовый пойти на страдания и лишения за какие-то идеалы. Так готовы ли мы к войне по-настоящему?

Действительно, война – это не прогулка по Невскому проспекту или Тверской, это максимум общенародных страданий, проходя через которые, народ имеет шанс очиститься и выйти на новый уровень исторического существования. Вообще человек по-настоящему учится только страданием. Вот единственное реальное средство преобразования себя, а не «головные» знания и тем более не голая эрудиция. Чтобы действительно узнать себя и мир, нужно пострадать. Достоевский говорил в набросках к роману «Преступление и наказание»: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты <...> Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т.е. непосредственно чувствуемое

телом и духом, т.е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» [3, с. 154–155].

Современный человек в России сформировался в эпоху, когда на него всю действовали убивающие дух гедонизм и игривый постмодернизм. Способен ли он после этого на обучение страданием? Готов ли он по-настоящему платить страданием, расширяющим душу и сознание? Возможно, современного человека, если он слишком пропитался этой идеологией, страдания уже ничему научить не могут. Он уже не способен принять на себя серьезные обязательства. И тогда скорби и страдания – это не путь научения и внутреннего преобразования, а скорее путь к саморазрушению и гибели. Он просто не сможет понести возложенное на него судьбой бремя, начнет винить всех вокруг себя и изберет в итоге саморазрушение.

Отсюда все более растущая тревога. По силам ли стране и народу предприятие 24 февраля? Как будет, если война вдруг коснется каждого? Поэтому и были такие сомнения у власти с мобилизацией, проводить ли ее, поэтому она только частичная.

Мне также кажется, что в глубинном смысле волна неприятия СВО и эмиграции отчасти была вызвана в том числе неприятием самой мысли, что страдание допустимо в современном мире. Тем более что и я необходимо должен и обязан буду ему подвергнуться. Слишком многие не выносят уже самой мысли, что для счастья нужно пострадать, что земное беспроblemное счастье – это иллюзия. Что мир на самом деле во зле лежит и просто глупо требовать от него продолжительного личного благополучия.

Поэтому событие 24 февраля – это на метафизическом уровне бунт России (во многом подсознательный) против мира постмодерна, который не признает страдания как необходимой составляющей жизни, как условия, на котором человеку вообще дана жизнь на Земле и счастье. Это смелое дерзновение вопреки, казалось бы, уже почти задушившему дух виртуально-потребительскому миру социальных сетей и торговых центров. Характерно, как воюет так называемый коллективный Запад. Воюют по-настоящему только украинцы и русские, условно говоря. Примем, что, хотя бы в этом смысле мы один народ. Запад же воюет по-постмодернистски: дистанционно, чужими руками – «до последнего украинца», поставляя оружие и организуя медийные информационные кампании. Это, казалось бы, очень умно, но это вызывает и глубокое отвращение как что-то ненастоящее, как признак нежити, признак необратимо изменившихся людей, которые уже не готовы на настоящий риск и страдание во имя чего-то большего.

Хотя нынешний киевский режим многому уже у Запада в этом смысле научился. Взять того же Арестовича, этого игривого пропагандиста-постмодерниста, который сознательно сделал ставку на «постправду» в своей деятельности. Или взять трагические фейки вроде Бучи. Про нее уже все забыли, ведь нынешними киевскими властями не названо было ни одной фамилии пострадавших. Случай Бучи дает верный признак лживой информационной кампании – никакой конкретики post factum, никакие фактические данные не приведены (как и в случае с расстрелом Майдана не было никакого расследования).

Хотя, возможно, тут к западному постмодерну примешиваются и элементы гоголевской украино-малороссийской фантазмагии, и создается редчайшая смесь русского (южнорусского или украинского) упрямства, игривой нежити и страшной сказки.

Однако невозможно закрывать глаза и на то, что действия России вызвали волну морального возмущения в западном мире и среди тех граждан России, кого принято называть либералами. И надо честно сказать, оно не всегда является проявлением лицемерия. Более того, эти действия вызвали шок и ступор у многих людей, которые, скажем так, несут в себе русско-украинское двойничество, у тех, кто причисляет себя и к тем, и другим. Та же волна эмиграции из России была во многом вызвана моральным возмущением, а не толь-

ко желанием бежать из и от мира, в котором возможна и даже законна война, в котором она по-прежнему поэтому отец и царь всех вещей (Гераклит).

Это моральное возмущение вызвано тем, что Россия якобы первой напала на независимую страну и начала с ней захватническую войну. Не стоит отрицать распространенность таких настроений. Отрицая их и стараясь не замечать, оказываешься в заведомо проигрышной позиции, потому что оставляешь за противником моральное превосходство, даешь ему право считать, что это он ведет справедливую войну.

И правда, спросим, напала ли Россия первой в феврале 2022 года? И да, и нет. Нет в том смысле, что война и обстрелы Донбасса шли уже почти восемь лет. За эти годы, согласно статистике ДНР, погибло более 14 тыс. человек, в том числе 200 детей.

Еще в 2015 году бард Игорь Сивак, родом из Одессы, написал песню «Горловка» (город Донецкой области, примыкающий к Донецку, в котором тогда тоже шли интенсивные боевые действия), где были такие слова:

Прилетело и в больницу и в клуб,
И в хрущевках по убитым скорбят.
А с экрана покупной «правдоруб»
Говорит, что это сами себя.
И опять на блокпосты мужики
Потянулись, кто откуда, кто с чем,
Карабины, топоры, кулаки,
Супротив артиллерийских систем.
<...>

По ком, по ком, по ком?
Звонит от осколков колокол?
В горле – кровавый ком –
Гор-лов-ка.
За что? – За то, что другие!
– За то, что, не шапито.
*Когда мы пойдём на Киев,
Не спрашивайте: «за что?»* [курсив мой – Ю.П.] [17].

Поэтому у самих жителей Донбасса вопрос о справедливости действий 24 февраля не возник. Поэтому их не смущает то, что в феврале 2022-го именно Россия первой нанесла удар, не дожидаясь прямой атаки со стороны ВСУ на Донбасс. Был ли этот удар упреждающим или прямо атакующим, мы не знаем и знать по-настоящему сейчас не можем. Однако пока можно говорить, что как минимум именно Россия, взяв под официальную защиту ДНР и ЛНР, перевела в феврале 2022 года вялотекущий конфликт, не имевший никаких перспектив мирного разрешения, в его горячую фазу. И кто посеял в 2014 году ветер, в 2022-м пожал бурю.

Этого почти никто не ожидал. С этим и был связан шок значительной части так называемого креативного класса. Но он во многом объясняется тем, что эти люди, как и большинство населения Украины, все восемь лет были равнодушны к войне на Донбассе и гибели там мирного населения, не следили за этим и не воспринимали это как нечто важное и актуальное.

В то же время надо признать, что американцы и Запад были правы, когда многократно предупреждали, что «Путин нападет на Украину в феврале 2022-го», и западные страны спешно вывозили свои посольства и своих граждан. У нас в России это породило ураган остроумных шуток, но в итоге всем очень скоро стало не до смеха.

В связи с этим, однако, вспоминается случай из жизни философа Л. Витгенштейна. Как-то раз Витгенштейн и его более молодой коллега, друг и ученик Норман Малькольм в 1940 году обсуждали сообщение немецких газет о том, что английское правительство было

причастно к покушению на Гитлера в 1939 году. Витгенштейн сказал, что он бы не удивился, если бы это оказалось правдой. Малькольм на это возразил, что такие неджентльменские приемы не в национальном характере англичан, что британцы слишком порядочны и цивилизованны, для того чтобы заниматься подобными закулисными делами. Витгенштейн пришел в негодование от слов Малькольма, посчитав их проявлением полной нескритичности и шаблонности его мышления, и даже на время прервал с ним общение. Суждение последнего он расценил как величайшую глупость и доказательство того, что занятия философией под его, Витгенштейна руководством, ничему Малькольма не научили. Позже, правда, отношения между ними восстановились, хотя и не без трудностей [4].

Наивно думать о выдающихся нравственных качествах своего правительства (например, о полной откровенности озвучиваемых им заявлений), даже если считать ведущуюся им войну справедливой. Все правительства играют в принципе по одинаковым правилам. Война была неизбежной, это стало ясно еще в марте 2014 года. Прав был выдающийся русский мыслитель К.Н. Леонтьев, когда считал, что христианская политика (за ее возможность и даже необходимость выступал другой выдающийся русский мыслитель, В.С. Соловьев) вещь невозможная и фальшивая. Ведь политика, скажем от себя, это мирская забота о мирских делах, она в принципе не может быть без примеси греха (хотя бы невольного), который неотделим от мира сего.

Поэтому Леонтьев говорил, например, что *«известная степень лукавства в политике, замечу, есть обязанность; ибо политика есть дело механическое; это есть ничто иное как естественная взаимная пондерация общественно-государственных сил... Старомосковские князья и бояре наши были все очень искренние православные люди и, вместе с тем, очень лукавые и очень искусные политики»* [5, с. 244].

Называть ли действия России в феврале 2022-го военно-политической хитростью или злостным коварством, – дело вкуса и партийно-политических пристрастий. Как известно, у нас разведчики, у них – шпионы. Но приходится констатировать: успешная политика (и война как ее продолжение другими средствами) невозможна без хитрости, обмана и коварства. Представляется поэтому, что, с христианской точки зрения, любая политика, любая война, и особенно война гражданская, все же сущностно связаны с грехом, с греховой природой человека. Даже так называемая справедливая война – в том числе потому, что из-за боевых действий обеих сторон гибнут мирные люди.

В то же время реальная невозможность нелукавой, христианской политики, необходимость военной хитрости и политического обмана не означает, что не остается вообще нравственных преград в борьбе с врагом. Конечно, остаются. Недопустимы садизм, издевательства над пленными и пытки, сознательное причинение вреда мирному населению, и т.д. Два наиболее важных качества для конечного успеха войны, чтобы была одержана победа и чтобы она считалась заслуженной по праву, – это превосходство в мужестве и стремлении остаться человеком, не переступить на войне нравственную грань, отделяющую воина и солдата от преступника и мародера.

Не оспаривая правомерность провозглашенных в самом начале СВО целей демилитаризации и денацификации Украины, следует внести поправку, что это на самом деле производные задачи. Главная цель – *дезападнизация* Украины. С нашей стороны поэтому речь должна идти не только и не столько о ее денацификации, сколько о *дезападнизации* и *делиберализации*, потому что первое предполагает второе как свое условие и причину.

Исторически значительнейшая часть территории бывшей советской Украины всегда была обширнейшим пограничьем, фронтиром между *нашим* Востоком и Западом. Украина, как мы уже сказали, это центральная маргиналия империи с плавающей и недоопределенной субъектностью, подверженная разным внешним влияниям. И граница между Востоком и Западом на протяжении столетий была подвижной. После 1991 года Западу, казалось

бы, удалось поглотить не только Украину, но даже и Россию, почти лишить ее собственной субъектности. Но теперь, в условиях вернувшегося исторического противостояния между Западом и Россией, снова идет война за украинские земли. И украинский нацизм здесь – лишь вспомогательный инструмент в борьбе Запада с Россией, наподобие того, как НАТО и западные спецслужбы, государственные ведомства ФРГ после Второй мировой войны брали себе на службу немецких нацистов, верно служивших Гитлеру¹.

Власть хрупкой домайданной Украины держалась худо-бедно на балансе между Украиной Восточной (прорусской) и Украиной Центральной и Западной (цивилизационная партия Запада). В этом смысле киевский «Беркут» на Майдане, как ни странно, был последней зримой преградой, которая удерживала хлипкую украинскую государственность от будущего краха и сваливания в гражданскую войну.

Но времена радикально изменились. Теперь нужно отдать себе элементарный отчет в том, что идеологический мейнстрим постмайданной (а во многом и домайданной, Украина тогда созрела) Украины, конечно, всегда был радикально прозападным, за безоговорочное вхождение в ЕС и вступление в НАТО. В ней победил в 2014 году лагерь, выступавший за безоговорочное вхождение в либеральную Европу, западный мир. И это воля большей части украинского общества, особенно так называемого креативного класса в городах, надо это признать. Эти люди сейчас с нами воюют за западнизацию, которая, конечно, по Зиновьеву может носить только колониальный характер. Но тем не менее это диктует то, что *наша реальная задача – это дезападнизация Украины*.

Украина стремится в западный мир, но при этом во многом представляет собой ухудшенный, карикатурный вариант России, в том числе ее антилиберальных черт. Если говорят, например, что в России по-прежнему сильно некое подобие монархических настроений, что у нас народ послушно идет за авторитарным лидером, то на Украине те же тенденции выступают в пародийном виде. Украинское общество сначала было влюблено в Ющенко, потом в Тимошенко, потом поверило Порошенко, потом Зеленскому. И эта любовь всегда была несчастной, потому что на Украине не умеют выбирать настоящего лидера.

Безусловно, на постсоветской Украине были и есть заметные, просто бросающиеся в глаза элементы неонацизма: люди и организации, видящие себя как наследников ОУН и УПА, Бандеры и Шухевича, полк «Азов» и прочие нацбатальоны со свастиками их боевиков, но не в их парадигме определялся официальный политический курс Украины. Не в их риторике и символике писались и пишутся официальные политические документы. Коллективный Запад поддерживает нынешнюю официальную Украину и ее нацистскую составляющую как таран против России. В его бесстыжих глазах очевидные проявления неонацизма на Украине – это нечто второстепенное. Предпочитают этого не замечать, замалчивать. Украинский неонацизм для них серая зона умолчания и «орудие орудия». Если современная Украина – это орудие для нанесения решающего поражения России, то украинский неонацизм – самая отточенная и самая мотивированная деталь этого ору-

¹ Характерный пример Теодор Оберлендер. Нацист, оберштурмбаннфюрер СА, по совместительству специалист по «восточным вопросам» и профессор Кенигсбергского университета. Перед войной был назначен политическим руководителем бандеровского батальона «Нахтигаль». С осени 1941 года до июня 1943-го командовал батальоном «Бергманн» (укомплектованном выходцами с советского Кавказа). По данным советских историков, был одним из организаторов «среднего звена» многочисленных преступных акций нацистов на территории СССР, нередко лично принимал участие в пытках и казнях. После войны и непродолжительного пребывания в американском плену стал депутатом бундестага, а 20 октября 1953 года федеральный канцлер Аденауэр даже назначил Оберлендера министром по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны (!). После того, как в Советском Союзе в 1960 году был обвинен в собственноручных убийствах мирных граждан, а в ГДР был заочно приговорен к пожизненному заключению, все же подал в отставку. Потом спокойно жил в Западной Германии, занимался политической и научной деятельностью, дожил до 1998 года.

дия. И в то же время наиболее его дискредитирующая. Долгая история неразрывной связи украинского национализма с нацизмом, плотная инкорпорация второго в первый – причина, почему украинский национализм всегда будет нелегитимен в глазах России, всегда будет восприниматься как непримиримый враг.

Исторические корни идущего конфликта и *Drang nach Osten* на этой территории очень глубокие и давние, им практически уже 800 лет, если отсчитывать от того времени, когда Галицко-Волынское княжество во главе с Даниилом Галицким перешло в католическую унию. Поэтому, повторяюсь, изначально крайне наивны и несерьезны были первые представления о том, что СВО должна была быстро двигаться к победе, что за несколько месяцев можно решить проблему, которой столько лет, и у которой такая непростая и запутанная история. То, что эта война затянулась, то, что для победы требуется гораздо больше средств и ресурсов – это шок для тех, кто плохо знает или не хочет знать историю. Но сегодня именно история должна быть главной наукой, или одной из главных. И только честная история, достойная того, чтобы действительно называться историей.

Но дезападнизация Украины как подлинная цель войны предполагает и дезападнизацию России, которая сейчас отчасти идет стихийно. Только если мы дезападнизирuemся и овосточимся на византийский манер сами хотя бы в слабом подобии, удастся дезападнить и Украину, и, следовательно, победить в этой войне.

Однако возможна ли она у нас сейчас как осознанный культурно-исторический и духовный процесс? Либерализм, западный образ и строй жизни слишком глубоко пустили корни в России. Мы начали статью с тезиса, что современный человек слишком пропитался идеологией постмодернизма. Возможна ли у нас реальная, осознанная и сознательная дезападнизация? Пока нам в этом больше всего помогают наши враги – в том смысле, что благодаря им этот процесс идет стихийно, как бы силою самих вещей, как ре-акция, реагирование на их натиск. Идущая война подсказывает и будет подсказывать формы выживания и поведения. Возможно, ситуация потребует нового и более глубокого консервативного поворота, просто чтобы сохранить страну. Потребуется чего-то похожего на события лета 1999 года, когда в обществе сформировался, условно говоря, запрос на Путина в условиях новой разгоревшейся войны на Кавказе. Возможно, из-за украинской ситуации к власти придет преемник Путина – еще более жесткий государственный. По крайней мере это будет не слишком удивительно и неожиданно.

По нашему убеждению, сегодняшнюю российскую ситуацию нельзя адекватно описать средствами теории археомодерна А.Г. Дугина. Хотя действительное положение дел эта концепция отчасти описывает верно, но лишь отчасти. Да, и правда общество у нас представляет собой смесь традиционных (архаических) и современных черт (но ведь еще и либеральных!). Однако их распределение по обществу имеет место не так просто, как по Дугину. Дескать, носителями модернистской прогрессистской идеологии являются лишь так называемые элиты, правящий слой, а народ в глубине по-прежнему и по-хорошему архаичен, и надо только надстройку привести в соответствие с глубинным народным базисом. Но в действительности и сам народ, все мы практически без исключения уже вполне себе перепаханы модерном и даже отчасти постмодерном, линия между модерном и так называемой архаикой проходит у нас сегодня внутри каждого человека, как и в случае с либеральным содержанием. Достаточно посмотреть на количество аборт и разводов в обществе, на число тех, кто регулярно ходит в церковь, чтобы понять, что и народ уже стал во многом необратимо современным, хотя в то же время и сохраняет некоторые прежние традиционные (архаические в терминологии Дугина) черты. Эрозии подвергается сам традиционный русский характер с его приоритетом общего над индивидуальным. Русская женщина становится все более эмансипированной, все более отказывается видеть в мужчине естественного главу семьи, все более стремится к карьере

и самовыражению, а не к семье, и т.д. В то же время и мужской характер начинает терять свои прирожденные мужские свойства: мужественность, смелость, ответственность, воинственность.

Поэтому считать, что теперь мы выполняем в Европе консервативную роль, что наконец-то сбылось тютчевское представление, когда он видел Россию как единственную силу, противостоящую либерально-революционной Европе с ее апофеозом человеческого «я», можно лишь отчасти. Этот разлом между идеальной консервативной Россией и Европой проходит и по самой России тоже с идущей в ней сегодня *холодной гражданской войной*. Горячие формы этой войны как бы вынесены на Украину, и Украина в этом смысле – своего рода «русское поле экспериментов».

Значит, в нашей ситуации, в новых условиях, речь, к сожалению, может идти лишь о том, чтобы увеличить удельный вес и значение традиционных черт в общественной и личной жизни. И уменьшить соответственно вес и значение черт современных, либерально-прогрессистских. Но реализм не позволяет надеяться на то, что России удастся вернуться к полноценной единой культурно-исторической форме.

Поэтому мы сегодня скорее обречены на эклектизм в идеологии. Да, эти события могут восприниматься как призыв и шанс вернуться к цивилизационным, историческим истокам, к устоям дореволюционной, монархической, до-красной России. В русской истории XX века имеет место трагический разлом, разрыв. И сегодняшняя антирусская Украина – это во многом последствия украинизации как целенаправленной политики в советское время. Тем не менее прошедшая история советского времени необратима, оставленные ею следы слишком значительны. В контексте идущей войны ни в коем случае нельзя отрешиться от советского наследия. Враги поставили целью декоммунизацию Украины. Стоит посмотреть и учесть, под какими знаменами и в свете каких символов вел борьбу Донбасс предыдущие восемь лет. Это было Красное знамя, это были советские символы, это был праздник Дня Победы 9 мая. Для людей на Донбассе идущая война – это война за право уважать себя как наследников советской истории.

Мы имеем как минимум две идейные колонны, просоветскую и ориентированную на наследие досоветской России и на ее ценности. И при том, что на идейном уровне они напрямую не совместимы, а надежды на непротиворечивый синтез иллюзорны, речь может идти хотя бы о тактическом союзе. Политика, в том числе идейная или идеологическая, тоже искусство возможного. Сегодня Украина – это место примирения красных и белых, если те и другие будут достаточно умны и не станут понапрасну дразнить и задирать друг друга, объявят хотя бы водяное перемирие.

Раскол на «красных» и «белых», настроения и война умов по поводу оценки советского периода истории сильно ослабляют позиции патриотического лагеря. Как бы ни относиться к советской эпохе, XX век стал для России в ее истории пиком геополитического могущества, а также пиком противостояния России с Западом. Правда, по итогам этого противостояния она добровольно сдалась на милость победителям (сказался секулярный и западный характер марксизма, его внутренний, во многом буржуазно-материалистический характер), но победитель попался негуманный, и в итоге все равно пришлось расстаться с розовыми иллюзиями перестроечного времени.

Тем не менее практическая политика – это одно, а понимание политики и общества – другое. Да, сегодня примирить оппонентов невозможно, но исследователи, ученые, мыслители все равно должны искать что-то объединяющее эти две половины исторической России, которые сегодня обе идут каждая из своего прошлого и опираются на него.

Историческая Россия всегда понималась как наследница Византийской империи. 150 лет назад великий русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) выдвинул концепцию византизма. Этим термином он назвал культурно-исторический тип

России, то, чем она как наследница Византийской империи отличается от остального мира.

Общепринятое представление, что Россия – преемница Византии в религиозном смысле, К.Н. Леонтьев углубил и всесторонне продумал в цельном культурно-историческом и религиозно-политическом плане. Опорными столпами в его концепции византизма, вкратце содержащими в себе ее всю, были Православие и царь, то есть восточное христианство и самодержавие и их религиозно-политический союз. Вот как Леонтьев с его художественно-феноменологичным мышлением на конкретных примерах характеризует византизм в своей центральной работе «Византизм и славянство»:

«Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства.

Византизм дает также весьма ясные представления и в области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь – все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским» [6, с. 300–301].

Но сейчас скажут – какой византизм? Архаика! Казалось бы, византизм как доктрина может сегодня иметь только исторический интерес. После революции 1917 года и крушения традиционной, исторической России, после советского периода истории, а потом и победы либеральной революции 1991 года о каком византизме как действующей доктрине может идти речь?

Но ведь и сегодня в России присутствуют, пусть в сильно ослабленном виде, схожие черты: авторитаризм центральной власти, православное христианство и Церковь как важный авторитет для большой части власти и общества, правда, плохо на самом деле с ними знакомых. Однако с отсутствием «преувеличенного понятия о земной личности человеческой», как и с «разочарованием во всем земном, в счастье» дело обстоит еще сложнее. Сначала марксизм с его материализмом и отрицанием духовной природы человека, а потом идеология гедонизма и либерального индивидуализма слишком пропитали общество, хотя и не захватили его полностью. Иначе не было бы добровольцев на Донбассе, иначе Россия вообще бы не вступила в эту войну.

Поэтому можно говорить о парадоксальной безнадежной актуальности концепции византизма у К.Н. Леонтьева. Безнадежной в том смысле, что действительно монархия и православие как официальная и единственная государственная религия остались в безвозвратном прошлом. Это прошлое не вернуть, как нельзя затолкать выдавленную пасту обратно в тубик. Актуальности – в том смысле, что и в современной России в очень ослабленном, размытом виде продолжают действовать и сохраняться ее бывшие византийские начала.

Своего рода негласный и гибридный, неосознаваемый нами византизм продолжает хранить и определять Россию. Это союз, во-первых, квазимонархической президентской власти, когда президент как бы демократически приходит к власти, но не может демократически, путем выборов быть смещен. В демократические формы, существующие в

нормативно-правовом каркасе, влило некое монархическое содержание. При этом крепкая авторитарная власть невозможна без внутренней готовности народа повиноваться «партии власти», если той удастся поддерживать свой авторитет. В этом находят свое выражение христианские по своему происхождению ценности терпения и смирения, которые далеки от рабского безвольного повиновения. Это добровольное согласие подчиняться власти, если она тоже руководствуется высшими идеалами и способна позвать на великие дела, если самая верховная власть способна выступить и как нравственный авторитет.

Крепкая авторитарная власть необходима в том числе для того, чтобы держать вместе разные народы, этносы и регионы России с их разными культурами и традициями. Эта национальная пестрота, с одной стороны, грозит России распадом, а с другой – является залогом ее сложного цветения.

Во-вторых, это важная общественная роль традиционных для России религий – в первую очередь Православия и Русской Православной Церкви, а также ислама. Русская Православная Церковь наряду с армией среди общественных институтов является лидером по доверию среди жителей нашей страны, ей доверяют около двух третей граждан. Примерно такой же процент причисляет себя к православным. Хотя номинально православных сегодня среди них большинство, а реальных прихожан, а не «захожан», гораздо меньше. Тем не менее при определенных условиях, в кризисной ситуации этот ресурс может превратиться в значительную политическую силу, и власти это понимают.

Этим мы сильно отличаемся от современной Европы, отрекающейся от своих христианских корней. Как однажды сказала автору этой статьи болгарский ученый и публицист Дарина Григорова: «Я знаю, насколько нехристианская сейчас Европа, на ее фоне вы просто Дивеево, Афон. Когда на военном параде в честь 9 Мая Шойгу осенил себя крестным знаменем на весь мир, он не постеснялся показать остальному миру, что вы другие. Для вас это обычно, вы даже не обращаете на это внимания. Это был такой мощный символ, что вы, видимо, просто представить не можете. Западный политик побоится это сделать. Но для вас это нормально, вы этого даже не замечаете» [18].

Если посмотреть, какие претензии со стороны Запада и внутренней «прогрессивной общественности» предъявляются современной России, то это именно упреки в авторитаризме (исторически превращенная самодержавная традиция) и приверженности «отсталым традиционным ценностям» – неприятие ЛГБТ и так называемых толерантности и политкорректности. То есть это во многом тот же византийский союз государства и Церкви, только сегодня это крайне ослабленная связка также гораздо более слабых опор по сравнению с тем, что было ранее.

Мне кажется, Россия сегодня отличается от остального мира как раз своим бледным подобием византизму по Леонтьеву. Это византизм, сильно измененный и искаженный модерном и его ценностями, но что-то еще сохраняющий в своем ядре и хранящий Россию. Без этого византийского содержания, даже в его ослабленных современных или современных формах, искаженных современностью, она падет, погибнет.

Внешне византизм в леонтьевской концепции выглядит как деспотически стесняющий человека, обрекающий его на почти полную несвободу. Также и путинскую Россию упрекают в несвободе: нет по-настоящему свободных выборов, нет свободы ЛГБТ, свободы прессы и т.д.

Когда современники пытались анализировать общественный идеал, который отстаивал К.Н. Леонтьев, основное внимание и акцент, как правило, ими делался на том, что внешне византизм носит принудительный и стесняющий человеческую личность характер. Как определял С.Н. Трубецкой основную идею литературной деятельности Леонтьева, это «византизм как совокупность принудительных начал в общественной жизни, возведенный в принцип охранительной политики; византизм как принцип рус-

ской, а затем, может быть, и всемирной реакции» [7, с. 135]. Многочисленным критикам свободолюбивого XIX века крайне не нравилось, что леонтьевский идеал предполагает стеснения и ограничения для индивида и его свобод, что народ по Леонтьеву «должен быть *ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен*. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом» [8, с. 457].

И правда, многие оппоненты Леонтьева в истории русской мысли как бы стучались в открытую дверь и упрекали Леонтьева ни больше ни меньше в пропаганде рабства и мракобесия. Один из самых остроумных упреков, адресованных Леонтьеву, принадлежит, пожалуй, славянофилу И.С. Аксакову, который попрекал его «культом сладострастной палки».

Действительно, отстаивая свои общественно-политические и историософские взгляды, Леонтьев и правда постоянно использовал негативно окрашенную терминологию. Если внимательно посмотреть на используемую им понятийную лексику, то начинает бросаться в глаза большое количество таких терминов, как «деспотизм», «рабство», «стеснение», «насилие» и т.д., причем парадоксальным образом Леонтьев их использует с положительной нагрузкой, как нечто желательное. Он говорит о «созидательном стеснении», о «спасительном насилии». «*Насилие не только побеждает, оно и убеждает многих, когда за ним, за этим насилием, есть идея*» [9, с. 65]. Леонтьев понимает определенные виды стеснения и даже насилия как созидательные и спасительные.

Или взять хотя бы знаменитое определение Леонтьевым формы из «Византизма и славянства»: Форма есть «*деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбежаться*. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет» [10, с. 383]. Здесь деспотизм возводится на уровень онтологического и космологического начала, как нечто сущностно присущее внутренней идеи любой вещи.

Или также Леонтьев говорит, что коммунизм приведет к «новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и *принудительным* корпоративным группам, *законами резко очерченным; вероятно, даже к новым формам личного рабства или закрепощения (хотя бы косвенного, иначе названного)*» [11, с. 211]. Здесь ожидания от коммунистического будущего, которые категорически неприемлемы для либерально, по-европейски мыслящего человека, коммунизму Леонтьевым, напротив, ставятся в заслугу.

Однако это «деспотическое» содержание – лишь одна сторона леонтьевского идеала. Бросающаяся в глаза своим устрашающим и вызывающим характером, она скрывает другую, менее заметную, но гораздо более важную. Эта последняя на самом деле лежит в основе первой и оправдывает ее существование, являясь ее фундаментальным условием. И ее не могут увидеть те, у кого для этого не настроено соответствующим образом внутреннее, духовное зрение, у кого нет «глаз веры». Но обе эти стороны, явная и скрытая, на самом деле предполагают друг друга, являются двумя неразрывными сторонами единого целого.

Эта иная, более глубокая причина (вторая, скрытая сторона леонтьевского византизма) имеет отношение к области личной духовности людей, живущих в данном, «византийском» обществе, у которой должны быть и общественные подпорки, и общественное измерение. Внешние ограничения и стеснения при наличии религии как духовного фундамента данного общества нужны для формирования и высвобождения внутренних человеческих энергий, их направления по нужным, правильным каналам, чтобы человек имел большие шансы приобрести правильную внутреннюю духовную форму, направление развития. Чтобы человек не увлекся внешним и не расплылся в нем.

Конечно, не всякий деспотизм является таким: необходимым дополнением к главной, стержневой – духовной – стороне. Мы имеем здесь прежде всего в виду собственно византизм в леонтьевской оптике – союз монархии и Православия, церковного христианства.

Таким образом, византизм как общественный идеал предполагает сковывание, различного рода стеснения для внешней социальной активности, чтобы дать большую возможность человеческим энергиям направиться в сторону интенсивной внутренней, духовной жизни. Стеснения общественной жизни и разного рода социально-юридические ограничения нужны по причине слабости человеческой природы, испорченной грехом и предоставленной самой себе. Отпущенный на внешнюю свободу человек рано или поздно теряет меру, оказываясь игрушкой своих и чужих страстей.

Также человек, озабоченный преимущественно социально-экономическими и политическими проблемами, вопросами своего личного жизненного успеха, измеряемого в земных, материальных приобретениях, который при этом как бы свободно собой располагает, забывает о приоритете духовного начала. Активная социально-политическая жизнь (предполагающая либерально-демократическое устройство в противоположность деспотическому как пространство своего свободного действия) с ее перманентными тревогами и заботами о всегда изменчивом дне сегодняшнем относится к области несущественной с религиозной точки зрения.

Но внешние социальные подпорки и институты, соответствующие византизму как полноценному культурно-историческому типу, могут быть выстроены только если есть соответствующее ему внутреннее духовное условие. В конечном счете византизм опирается на личностно-индивидуальные глубины, корнями уходит в них, существуя «на уровне душ». Это живая и искренняя ортодоксальная вера, преданность Православию, которую на личностном уровне должно разделять большинство населения. Это должно быть условием общественного консенсуса. Она является фундаментом и необходимым условием, чтобы существовал полноценный византизм как духовно-политический или церковно-государственный строй или режим. Это, так сказать, самый первый и существенный признак, главное условие вообще, чтобы византизм имел место в реальности. Вот что говорил по этому поводу дореволюционный ученый-византист И.И. Соколов:

«Первым существенным признаком византизма нужно считать искреннюю и твердую преданность византийцев св. Православной вере и Церкви. Ортодоксия, Православие – вот главное отличие Христианского Востока от Запада, мира византийского от романского <...> Пеструю этнографическую смесь населения в Византии связывала и скрепляла религия, в форме Православия, так как почти все подданные византийского василевса были православными. Православие было не только весьма прочным объединяющим началом для византийского населения, но и, можно сказать, господствующей национальностью византийского государства, основной стихией народной жизни в Византии, ее глубочайшим, самым чутким жизненным нервом. Византийцы по преимуществу были верными сынами Св. Православной Церкви, строгими ортодоксалами в своих религиозных воззрениях, ревностными сторонниками и выразителями общецерковного богословия, точными исполнителями церковной дисциплины, обрядов, церковно-богослужебной практики. Учение Святой Церкви, как оно раскрыто в определениях семи Вселенских соборов, признавалось у них божественным и непогрешимым, его исполнение почиталось делом обязательным, необходимым условием нравственного совершенства и спасения» [19].

В случае с византизмом или византизмом, по словам Соколова, речь идет о оцерковленном государстве, в котором «государственный принцип становится действенным лишь в той мере, в какой проникается учением Церкви, а носитель светской власти не может стоять впереди представителя власти церковной». Оцерковленное государство есть

государство христианское, говоря уже нашими словами. Но оно может иметь место лишь при том необходимом условии, что большинство его граждан являются, как сейчас говорят, практикующими (действенными) христианами, которые не знают и не хотят другой веры.

Не может поэтому существовать православная монархия, если в государстве не осталось православных монархистов: вот главный ответ о причинах катастрофы февраля 1917 года, повлекшей за собой октябрьскую революцию. Так и Советский Союз перестал существовать, когда коммунисты-ленинцы в СССР остались в ничтожном меньшинстве, когда у подавляющего большинства людей ушла вера сначала в коммунизм, а потом вообще в социализм. О чем-то похожем писал, в частности, и выдающийся христианский апологет Клайв Стейплз Льюис: «Христианское общество не возникнет, пока большинство не захочет его по-настоящему; а мы не захотим его по-настоящему, пока не станем христианами» [12, с. 193].

Византизм можно с известной долей условности назвать *православным этатизмом*, когда приоритетным является не внешняя социальная активность, направленная на земное преуспевание, а внутреннее духовное делание. В условиях византизма «государство тянет людей к Богу, отодвигая на второй план их материальные устремления» [13, с. 41].

Таким образом, внешний деспотизм нужен как подпорье для правильного направления внутренней духовной жизни, как ее огораживание и защита. Он выступает в роли своего рода накопителя и канализатора человеческих энергий – для направления их по правильному руслу. Такова идеальная собственно консервативная роль византийского, то есть православно-монархического государства. Оно своими внешними ограничениями, несвободой, пониманием человеческой жизни как служения соответствует святоотеческому учению о необходимости идти в жизни узким, а не широким путем. Такое понимание деспотизма у Леонтьева находит свой духовно-идейный исток, например, в следующих словах Феофана Затворника (которого сам Леонтьев в знаменитой статье «Над могилой Пазухина» называл мыслящим аскетом и духовным мыслителем, и считал его образцовым выразителем духовно-церковной точки зрения):

«Обычно узкий путь нам не нравится... Подай нам широту и простор. Не слышит разве Господь воплей сих? Слышит, но переменить Домостроительства жизни нашей не хочет, потому что это было бы не к добру нам. Так устроилось положение наше, что только теснота держит нас в настоящем строе... Как только вступим в широту, расплываемся и гибнем. Вот и царит на земле теснота, как наилучшая для нас обстановка. Апостольский ум видит вообще в тесноте и в особых стеснительных случаях отеческую к нам любовь Божию, – и о тех, кои в тесноте, судит как о близких к Богу сынах. Нынешние умники не вмещают словесе сего – и тем погружают себя в непроглядный мрак, простертый будто над жизнью нашею земною. Отсюда туга, уныние, нечаяние, томление и самоубийство... Исходная точка их омрачения та, что наша последняя цель будто на земле... Но она не на земле. На земле начало жизни – приготовительный ее период, – а настоящая жизнь начнется по смерти... И особенный исключительный способ приготовления – благодущное терпение теснот, лишений и скорбей» [14, с. 29].

Более того, порой даже антихристианский деспотизм может парадоксальным образом способствовать горению веры. Леонтьев, например, неоднократно отмечал, что господство турок на Балканах, как ни странно, способствовало тому, что Православие тогда оставалось живой, действенной верой у славянских народов. Турецкую империю в связи с этим он даже именовал там «презервативным [то есть охранительным – Ю.П.] колпаком» для Православной Церкви. Продолжим эту леонтьевскую мысль, что так же, пожалуй, и антихристианские гонения при Советской власти тем же парадоксальным образом способствовали подлинности христианской жизни у тех, кто в таких условиях решился на жизнь в вере. Как говорил Леонтьев, «мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут и преподобные» [15, с. 544].

Как часто правильно замечают, в Евангелии не указан какой-либо предпочтительный политический режим: просто отдай кесарю кесарево. Ведь «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21). Однако это все же не исключает вопроса, какие общественные условия более благоприятны для возможности обрести спасение, для чего нужно прочное существование Церкви в обществе. Эти условия не предопределяют его полностью, потому что это невозможно по определению. Тем не менее неслучайно эпохи господства христианской Церкви политически выливаются в монархические и самодержавные формы, а республиканское начало и республиканский образ мысли предполагают и влекут с собой секуляризацию и ожесточенную борьбу с религией и Церковью. Определенные социально-политические и общественные институты совсем не случайно возникли и держались более тысячи лет, пока христианство было господствующей религией. Вера оказывается важнейшим фактором, формирующим общественно-государственный режим, а последний в свою очередь становится ее внешней опорой и защитой.

Деспотизм полезен и для культуры, хотя это может показаться очень странным и парадоксальным. Как, например, пронизательно замечает Леонтьев, представители «золотого века русской культуры» XIX века, лучшие русские поэты и писатели, мыслители-славянофилы, были людьми 40-х годов. Они все росли при крепком, сословном, крепостническом строе, и спокойное течение жизни при Императоре Николае I дало им возможность не спеша развиваться и духовно созреть. При этом очень многие из них роптали на этот строй, ненавидели его и желали его ниспровержения. И правда, например, Каткову, Герцену, славянофилам, Достоевскому, Данилевскому – всем им было уже за сорок или под сорок лет в 1861 году. Толстому чуть больше тридцати. Пушкин, Гоголь, Лермонтов и не дожили до падения крепостничества. Во всех них, как говорит Леонтьев, «совершилось одно из тех таинств психического развития, которые наука еще не в силах до сих пор удовлетворительно формулировать; в идеале, в сознании – они все более или менее ненавидели этот крепостнический и деспотический строй (и напрасно, конечно), но в бессознательных безднах их душ эпоха эта, благоприятная досужной мысли, свершила свое органическое независимое от их воли дело» [16, с. 387].

Итак, сегодня мы, к сожалению, не можем рассчитывать на то, что в России восстановится и возродится цельный культурно-исторический тип. Сегодняшний русский консерватизм, если он не хочет быть имитационным или возвышенно неадекватным исторической действительности, вынужденно может носить лишь эклектический характер, представлять собой, так сказать, просоветско-неовизантийскую смесь, во многом противоречивую внутри себя. Надо честно признать, что дезападнизация может происходить только на этом эклектическом основании.

К сожалению, при всем уважении, мы вынуждены констатировать, что такой возвышенно неадекватный характер носит концепция «четвертой политической теории» А.Г. Дугина. Главные ее проблемы, на наш взгляд, – это идеализация русского народа (своего рода неонародничество), давно уже, увы, изъеденного модернистскими и даже постмодернистскими чертами, и надежды на создание цельной политической теории, хотя такие были возможны лишь в эпоху Модерна, который Дугину вроде совершенно не нравится.

Дезападнизация, если она всерьез вообще возможна, скорее всего примет достаточно умеренные формы. Можно говорить лишь о большей или меньшей степени желательных мер в ее рамках. Она предполагает, наверно, следующие шаги:

- еще большее огосударствление экономики, когда все сырьевые отрасли оказываются в собственности государства;
- суверенизация науки, культуры и искусства, повышение в их развитии роли государства;

- мягкая цензура, в том числе на ТВ и в Интернете, насколько это возможно;
  - умеренная клерикализация в рамках возможного. Поскольку исторические корни конфликта носят религиозный характер, Православие в цивилизационном смысле остается как исходный и центральный (хотя по настоящему почти уже неосознаваемый обществом) фактор культурно-исторической идентичности;
  - желательны и нужны более строгие формы жизни, сдерживание личности и общества, сегодняшней распушенной жизни через традиционные духовно-культурные формы.
- Усиление «деспотической роли» государства нужно во всех сферах, чтобы с этой помощью вновь хотя бы отчасти направить внутренние человеческие энергии по (более) духовному руслу.

Возможно, война, пусть и не сразу, вернет ценность мужского начала в общество. Более патриархальное общество при прочих равных значит более традиционное и строгое, а значит, и более нравственное, где игра личных и общественных страстей сдерживается и заключается в более прочные рамки. Вопреки модным призывам к гражданскому обществу мы не верим в его мудрость, это терминология вообще из опыта жизни Запада. Русский народ если и совершал что великое, то только в государственных формах.

Важно допустить медленную эволюцию общества под воздействием войны в правильную сторону, по направлению к настоящему неимитационному русскому государству, когда учатся все – и власть, и люди. Поэтому не стоит ждать быстрой Победы, быстрого завершения конфликта. Более того, долгая и серьезная война на грани нашей гибели – сегодня единственный залог нашего настоящего изменения и исторического выживания, внутреннего преобразования. Поэтому нужно настроиться на долгое терпение и не отчаиваться.

Разгоревшийся конфликт очень сложный и многослойный. В нем сразу несколько измерений. Одно из них заключается в том, что на Украине и в русско-украинском конфликте имеются очевидные элементы и признаки гражданской войны. Это так хотя бы потому, что сегодня друг с другом воюют люди, которые или родители которых еще тридцать один год назад жили в одной стране. Разумеется, раскол внутри самой Украины на прорусскую и прозападную, из-за чего она и стала полем столкновения между Россией и Западом, тоже носит характер гражданской розни.

Это в том числе гражданская война еще потому, что это война России не только с внешним Западом, но и с Западом внутренним, вынесенная вовне, на территорию Украины. Поэтому этот раскол прошел внутри семей, между друзьями не только на Украине, но и в России. Я лично знаю уже, к сожалению, массу примеров подобного рода.

При этом воюющие с нами украинцы вроде свои, но настолько упертые и переродившиеся, что вполне уже уподобились отборным отрядам янычар, с которыми нужно вести жестокую войну, если хочешь победить. Это настоящий морок двойничества (и опять Гоголь!). Мы попали в трагическую апорию. Украина нам не чужая, но сейчас хуже любого врага. Что же делать? Казнить нельзя помиловать.

Мы должны понимать, что жестокие гражданские войны длятся долго, и еще дольше их раны залечиваются и затягиваются. Надо готовить себя к этому. Кроме того, в гражданских войнах не бывает абсолютных победителей. На обеих сторонах грех, пусть в разной степени. Он, вероятно, есть и на нас. Мы в частности расплачиваемся за бездумный распад СССР и тогдашнее наше предательство исторической России, за невнимание к Украине в течение постсоветских лет.

В том числе мы в ответе за тех мирных людей, которым эта война причинила страдания. На нас перед ними теперь лежит долг восстановления их мирной жизни.

Но невероятная сложность в том, что измерение гражданской войны только одна из плоскостей этого конфликта. Наверно, прав митрополит Псковский и Порховский Тихон,

который в интервью телеканалу «Россия-24» сказал в ноябре 2022-го, что тут возможен мир только по Воле Божией [20]. У нас, у русских, главная надежда по-прежнему должна быть на Бога. Но и самим тоже площадь не надо. Вот в чем пока и заключаются наши главные проблемы.

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Запад: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 512 с.
2. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 465 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Рукописные редакции / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. Т. 7. Ленинград, 1973. 416 с.
4. *Малькольм Н.* Людвиг Витгенштейн. Воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1993. 350 с.
5. *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и славянство. Т. 1. М., 1885. 312 с.
6. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7 (1). СПб.: Владимир Даль, 2005. 558, [2] с.
7. *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. СПб.: РХГА, 1995. Т. 1.
8. *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 8 (1). СПб.: Владимир Даль, 2007.
9. *Леонтьев К.Н.* Передовые статьи «Варшавского дневника» / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7 (2). СПб.: Владимир Даль, 2006.
10. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7 (1). СПб.: Владимир Даль, 2005.
11. *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 8 (1). СПб.: Владимир Даль, 2007.
12. *Льюис, Клайв Стейплз.* Просто христианство / Клайв Стейплз Льюис // Христианство. М.: АСТ, 2020.
13. *Козлов А.С.* Современная англо-американская историография о политике СССР в 20–30-х гг. как проявлении «византизма» // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 40–48.
14. *Феофан Затворник.* Православие и наука: Руководственная книга изречений и поучений. М.: Данилов мужской монастырь; Даниловский благовестник, 2009.
15. *Леонтьев К.Н.* Письма отшельника. Наше болгаробесие / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7 (Кн. 1). СПб.: Владимир Даль, 2005.
16. *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. Владимир Соловьев против Николая Данилевского / К.Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 8 (Кн. 1). СПб.: Владимир Даль, 2007.
17. *Сивак Игорь.* Горловка (аккорды) [Электронный ресурс] / i_sivak // Живой Журнал. Режим доступа: <https://i-sivak.livejournal.com/52567.html>
18. Россия и Болгария: есть ли у нас общее будущее? Беседа Д. Григоровой с Ю. Пущаевым [Электронный ресурс] // Православие.ru. 2019. 18 декабря. Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/126467.html> (дата обращения 20.10.2022).
19. *Соколов И.И.* О Византинизме в церковно-историческом отношении [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Sokolov/o-vizantinizme/1
20. *Тихон (Шевкунов), митр.* Нам нужен мир по воле Божией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/2511850?ysclid=lafkeg9xyр310626487>

Аннотация. В статье отмечается, что первым понятие «западнизация» в русский философско-публицистический контекст ввел А.А. Зиновьев. Но он смотрел на проблему западнизации, радикального натиска нового мирового порядка только через призму борьбы коммунизма и капитализма в XX веке и был поэтому методологически ограничен. Не было у Зиновьева и термина «дезападнизация». Не находим мы у него сегодня и концептуальных ходов, пригодных для анализа украинской ситуации. Поэтому более конкретно продумывать новый раунд борьбы России с Западом, проблему и необходимость дезападнизации для России и областей ее традиционного присутствия на новом историческом этапе мы вынуждены без Зиновьева, самостоятельно и с опорой на иных мыслителей.

В статье отмечается, что 24 февраля 2022 года Россия пошла на действие, которое находится на границе между дерзновением и дерзостью. Ведь мы уже живем «одной ногой» в эпохе постмодерна. А это предполагает соответствующий тип личности, не готовый пойти на страдания и лишения за какие-то идеалы. Так готовы ли мы к войне по-настоящему?

Также в статье утверждается, что на самом деле главная цель СВО – дезападнизация Украины. Речь должна идти не только и не столько о ее денацификации, сколько о дезападнизации и делиберализации, потому что первое предполагает второе как свое условие и причину. Ведь главный идеологический мейнстрим на так называемой независимой Украине всегда был либерально-проевропейский, речь шла о европейском выборе и вхождении Украины во враждебный России Запад, а несомненно присутствующий на Украине нацизм все же служит вспомогательным орудием для этой уставки. В статье анализируется понятие византизма К.Н. Леонтьева и его применимость к современной России. Говорится о том, в чем сегодня могла бы состоять дезападнизация Украины и России, и в чем ее пределы при наличествующем условии – эклектизм в российской идеологии.

Ключевые слова: Украина, украинско-русские отношения, западнизация, дезападнизация, византизм К.Н. Леонтьева, А.А. Зиновьев.

Yuri V. Pushchaev, PhD in Philosophy, Scientific Associate, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. E-mail: putschaev@mail.ru

The War in Ukraine and De-Westernization as Historical Task: Opportunities and Limits

Abstract. In the article the author mentions that A.A. Zinoviev was the first to introduce the concept of Westernization into the Russian philosophical and journalistic context. But he viewed the problem of Westernization and the radical onslaught of the new world order only through the prism of the struggle of communism and capitalism in the 20th century and thus was methodologically limited. Zinoviev did not use the term "De-Westernization" either. Neither do we find in his works any conceptual moves suitable for analyzing the Ukrainian situation. Therefore, at the new historical stage we are forced to think more concretely about the new round of Russia's struggle with the West, he problem and the need for "De-Westernization" for Russia and the areas of its traditional presence without Zinoviev, independently and relying on other thinkers.

In the article the author registers that February 24, 2022, Russia took an action that was on the border-line between boldness and audacity. After all, we already live having one leg in the postmodern era. And this presupposes the presence of an appropriate type of personality who is not ready to suffer and fight hardships for the sake of ideals. So are we really ready for war?

The article also claims that the main goal of the SVO (limited special operation) is actually the de-Westernization of Ukraine. It should be not only and not so much about its denazification, but about its "De-Westernization" and deliberation, because the first presupposes the second as its condition and cause. After all, the main ideological mainstream in the so-called independent Ukraine was always liberal-pro-European, it was about the European choice and Ukraine's joining the West that was hostile towards Russia, and undoubtedly Nazism present in Ukraine still served as an auxiliary tool for that purpose. The article analyzes K.N. Leontiev's concept of Byzantium and its applicability to modern Russia. The author considers what De-Westernization of Ukraine and Russia might comprise today, and what its limits are under the present conditions - eclecticism in Russian ideology.

Keywords: Ukraine, Ukrainian-Russian Relations, Westernization, De-Westernization, Byzantism of K.N. Leontiev, A.A. Zinoviev.